

ЭКСПЛИКАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ ПРИ ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНО-ОБУСЛОВЛЕННЫХ КОМПОНЕНТОВ СОДЕРЖАНИЯ

Настоящее исследование посвящено выявлению и описанию способов экспликации лингвокультурных обертонов генерализованного смысла в процессе трансляции бытовых реалий. Различные приемы обеспечения адекватности восприятия инокультурного компонента приводят к воссозданию объективного и художественного мира исходного произведения и этноса. Интертекстуальные включения и аллюзии в рамках стилизованного повествования расширяют художественное пространство оригинального текста, что вызывает определенные трудности при переносе псевдосказочного повествования в иную лингвокультуру. В статье анализируются сильные позиции текста современной турецкой сказки, содержащие бытовые реалии, позволяющие идентифицировать этноспецифику Востока. Повторяющиеся традиционные архаичные реалии в совокупности с современной глобализованной действительностью

в описании создают современный прецедентный псевдодискурс, репрезентирующий концептуально-валерную систему новой тюркоязычной лингвокультуры. Воссоздание данной амфиболичности в процессе перевода на русский язык сопряжено со сложностями трансляции аллюзивных компонентов, которые, преломляясь в индивидуально-авторском мировидении переводчика-интерпретатора, способны привести к аддикции дополнительных компонентов. При этом перенос в принимающую лингвокультуру экзотического компонента призван не просто с достаточной степенью эквивалентности номинировать референты и денотаты, но и маркировать прецедентность культурного художественного пространства.

Ключевые слова: интертекстуальность, псевдодискурс, экзотизмы, турецкие бытовые реалии, лингвокультурная специфика.

S. Sidorenko

EXPLICATION POTENTIAL OF INTERTEXTUAL ELEMENTS IN CONVEYING CULTURE-SPECIFIC COMPONENTS OF CONTENT

The article studies the identification and description of the ways the linguocultural overtones of generalized meaning are expressed in the process of conveying everyday realities. Various methods of ensuring the adequacy of the perception of the foreign cultural component lead to the reconstruction of the objective and artistic world of the original work and ethnos. Within the framework of a stylized narrative the intertextual elements and allusions expand the artistic space of the original text, which causes certain difficulties in transferring a pseudo-fairytale narrative to a different linguistic culture. The article analyzes the strong positions of the text of a modern Turkish fairy tale, containing everyday realities that allow us to identify the ethnic specifics of the East. The repeated traditional archaic realities in line with

modern globalized reality in the description create modern precedent pseudo-discourse representing the conceptual-valency system of the new Turkic-speaking linguistic culture. The reconstruction of this ambiguity in the process of translation into Russian is challenged by translation of allusive components, which, being interpreted through the translator's individual worldview, can lead to the introduction of additional components. At the same time, the transfer of the exotic component to the target language culture is intended not only to nominate referents and denotations with a sufficient degree of equivalence, but also to mark the precedent of cultural art space.

Key words: intertextuality, pseudo-discourse, exoticism, Turkish everyday realities, linguistic and cultural peculiarities.

Ключевым принципом экспликации социально-культурных компонентов в прецедентное текстовое пространство является феномен непрерывного взаимодействия вербального и культурного кодов в особых текстовых знаках – интертекстуальных включениях. Подобные фрагменты не просто формируют план когерентности в тексте, но и создают социо-культурную семиосферу, детерминируют саму структуру текстового и культурного континуума, некий семантический универсум, который можно связать с конкретным этносом, в котором он и был порожден. Данное пространство в силу своей культурной специфичности и перманентной выработки новых компонентов и установле-

ния связей между ними информации представляется комплексным коммуникативным феноменом весьма сложным для трансляции в иное социо-культурное пространство.

Одним из наименее исследованных в аспекте экспликации коннотативных компонентов смысловой иерархии пластов лексики являются реалии, как специфические концептуализированные понятия, обладающие доминантным культурно-обусловленным содержанием. Реалии – являются носителями историко-культурной языковой составляющей, особенные понятия и определения, узувальное использование которых присуще исключительно одной конкретной лингвокультурной общности [8].

Весьма расхожим представляется мнение о неязыковом и нестереотипном употреблении реалий вне исходной языковой системы, и предельной специфичности и маркированности в случае представления в пространстве иного языкового и культурного сообщества. Однако в современных условиях глобализации такие номинативные феномены как пословицы, идиоматические выражения, поговорки, фразеологизмы, словосочетания и слова, обозначающие отдельные национальные явления, черты, предметы, которые изначально были не свойственны другим этническим группам, входят в пространство непривычного горизонтального и вертикального контекста. Данный процесс осуществляется в рамках осуществления межкультурной коммуникации и процесса трансляции прецедентных текстов культуры.

В рамках науки о переводе данные культурно-обусловленные единицы зачастую относят к безэквивалентной лексике, которая призвана вербализовывать феномены объективной и рефлексивной реальности отсутствующие в целевой, принимающей лингвокультуре. Предельно осложнена трансляция ядерных компонентов при переводе данных понятий, ведь при создании генерализованного содержания в средствах переводящего языка может быть нивелирован инокультурный хронотоп, погружающий реципиента незнакомой лексемы в собственное социально-культурное пространство, формируемое в процессе создания целевого текста на основе преломления специфических признаков иной культуры в концептуально-валерной системе продуцента как представителя принимающего языка [3, с. 215] и транслируемое для восприятия потенциальным реципиентом. Подобные лексемы «именно в связи со своей необычной формой они несут в себе и имманентно заложенные оттенки смысла, репрезентируемые в составе либо формой, либо аллюзивными коннотациями» [4, с. 1138]. Определяющим фактором для отнесения каких-либо явлений к специфическим реалиям является национальный колорит их референтов, который зачастую настолько очевиден, что их никак не получается отнести к особенностям национальной культуры каких-либо иных стран, кроме страны, породившей эти реалии.

Во многих переводоведческих исследованиях, говоря о реалиях, часто используют термин «экзотизмы», который означает лексему, призванную эксплицировать именно национальный колорит, таким образом данные единицы входят в сферу анализа нескольких дисциплин: лингвострановедения, переводоведения, культурологии и т.д. Стоит отметить, что в реалиях четко определяется архетипическая взаимосвязь социокультурного пространства и

языковой системы. Язык незамедлительно реагирует на возникновение новых феноменов объективной и рефлексивной реальности появлением реалий в коммуникативном пространстве. Подобная темпоральная нерасчлененность дает возможность достаточно точного установления времени появления той или иной реалии в исходной лингвокультуре. В случае использования экзотизмов-тюркизмов при трансляции прецедентного текста культуры, необходимым условием является передача характерного имманентного содержания обозначающего взаимосвязь реалий, явлений и понятий. При этом стоит отметить, что важно учитывать связь с историческим отрезком времени появления и употребления единицы, т.е. осуществление процесса первичной «адаптации основного доминантного значения структуры внутренней формы» [4, с. 1138].

Различные культурно-обусловленные компоненты генерализованного смысла находят наиболее «выпуклую» реализацию при переводе художественной литературы. Любому произведению художественного слова присуща особая образность, обусловленная национальной и исторической окраской, индивидуальным стилем писателя, жанром самого произведения и т.п. Многоплановая и сложная структура художественного текста естественным образом имплицитно включает наиболее широкий круг смысловых вариаций (когнитивных, эмотивных, аффективных, гедонистических и т.п.) [1], что, однако, вызывает и целый ряд трудностей при ретрансляции их в иную культурно-языковую действительность. Для адекватной передачи авторского замысла на другой язык переводчику требуется предварительно провести смысловую и стилистический анализ не только оригинального текста, но и текстогенного социокультурного континуума, т.е. избрать адекватные методы «вписывания» инокультурного смысла в рефлексивную реальность принимающей лингвокультуры, следуя не столько принципам обеспечения эквивалентного соответствия, сколько воссозданию ситуации адекватной рецепции.

Особую значимость фактор адекватности (понятие и термин введены В.Н. Комиссаровым) [6, с.306] приобретает при переводе прецедентных текстов культуры, например, сказок, поскольку они рассчитаны в большей степени на детскую (или двуадресную, т.е. детскую и взрослую одновременно) аудиторию и требуют максимальной ясности восприятия как в плане содержания, так и в плане выражения.

Материалом эмпирического анализа мы избрали трансляцию на русский язык бытовых реалий, полученных методом сплошной выборки из сказочной повести современного турецкого писателя Ахмета Умита (род. 1960) «Masal Masal İçinde» (1995), которая пользуется

большой популярностью как в самой Турции, так и за ее пределами [5]. Книга выдержала более десяти изданий, входит в школьную программу по турецкой литературе, переведена на несколько иностранных языков: корейский, английский и русский [11].

Рассмотрим художественный хронотоп, репрезентирующий в рамках архаичной наивной картины мира современные компоненты концептуально-валерной системы тюркоязычной лингвокультуры. В центре повести – история доброго, но хвастливого Padişah (Падишаха), который вместе со своим Vizir (Визирем) отправляется в длинное путешествие по разным странам, в ходе которого встречается с людьми разных профессий Şarkacı (Шапочником), Muedezin (Муэдзином), Demirci (Кузнецом), Kuyumcu (Ювелиром) и Kög Karavancı (Слепым караванщиком), чтобы выслушать их удивительные истории. Повидав свет, Падишах познает истинное предназначение человека – проявлять милосердие к окружающим, уметь прощать, бескорыстно совершать добрые поступки во имя других. Став мудрее, Падишах приносит благоденствие и в свою страну. К характерным чертам «Masal Masal İçinde» можно отнести занимательный сюжет – тесное переплетение фантастического и реального планов экспликации, формирующее специфическую онтологию восприятия: ярко выписанные реалии городской жизни, которые в рамках стилизованного представления приобретают черты средневекового сказочного Востока; динамические описания фэнтезийных мест в пространстве современного мира; интегральную природу характеров героев и ситуаций, в которых они оказываются, обусловленную амфиболичностью общечеловеческих и этноспецифических ценностей; по-сказочному определенную и четко прописанную мораль.

Речевое строение рассматриваемой повести «Шкатулка сказок» созвучно интонации современной турецкой устной речи, стиль повествования можно назвать разговорно-нейтральным, относительно легким для перевода. Но на фоне внешней простоты трансляции практически непреодолимым барьером выступает достижение адекватной экспликации культурных и индивидуально-авторских компонентов генерализованного содержания, актуализируемых в экзотизмах, встречающихся в сильных позициях текста: заглавии, сказочных реалиях, маркирующих смену места действия и клишированных формулах.

Заглавие художественного произведения обладает уникальными особенностями: представляя собой некий «авторский кол» и своеобразный ориентир для читателя, оно нацелено на читательскую компетенцию и творческий

подход к прочтению книги, оно формирует определенную схему действия по распределению компонентов смысла генерализованного содержания произведения [3]. Автор и читатель могут общаться напрямую посредством заглавия в том случае, если они оба являются представителями одной культурной среды. Однако при пересечении языковых границ, т.е. при переводе произведения на другой язык, возникают сложности с передачей, заложенной в заглавии лингвокультурной семантики, поскольку зачастую утрачивается связанный с заглавием ассоциативный ряд, ведь «процесс внешней адаптации вербализованной структуры может происходить вне зависимости от адаптации внутренней формы слова» [4, с. 1138]. В этом случае переводчик должен опереться на литературоведческий анализ текста, с одной стороны, и существующую традицию литературного перевода – с другой.

Сказочная повесть А. Умита в оригинале имеет название «Masal Masal İçinde» (т.е. «сказка в сказке»). Повесть состоит из пяти отдельных рассказов, объединенных только общей рамкой (доминантной тематикой, эксплицирующей глобальные общечеловеческие компоненты культурного кода) – историей о путешествии Падишаха и Визира. Анализ показывает, что заглавие повести имеет не только внутреннюю связь с самим текстом, но также типологически соотносится с историями харуновского цикла «Bin ve bir gece» (Тысячи и одной ночи), т.е. со сказками, посвященными халифу Harun Al-Rashid (Гаруну ар-Рашиду) [9; 10]. Параллели между сборником арабских сказок и турецкой повестью проявляются не столько в сюжете и отдельных мотивах, сколько на уровне макроструктуры текстового пространства (композиции) [7, с.130]. Характерной чертой «Тысячи и одной ночи», как и многих других памятников средневековой повествовательной литературы арабов и персов, является рамочная структура схожая с построением агиографического (жизненного) описания, при которой доминирующий сюжет (расположенный, как правило, в центре событий) включает целый ряд второстепенных, образуя единое цельнооформленное пространство – в итоге формируется т.н. «обрамленная повесть» [5, с.150]. Аппелируя к данной повествовательной традиции, А. Умит сознательно выносит в заглавие своего произведения принцип его композиционного построения – «сказка в сказке». Такой заголовок вызывает у носителя турецкой культуры устойчивую ассоциацию с образцами арабо-персидской сказочной традиции, которая, «пустив корни» в турецкой словесности, воспринимается турками в том числе и как часть собственной художественной культуры. Тем не менее, автор сказочной повести

как будто бы желает запутать читателя, «увести» его от прямых ассоциаций с ближневосточными сказками, включая в пространство текста топонимы современной Турции. С этой целью он предваряет повесть вступлением, где упоминает, что в основу книги легли сказки, услышанные автором лично в Gaziantep (Газиантепе), городе на востоке Турции.

Связь заглавия повести «Masal Masal İçinde» с понятным для представителей турецкой культуры традиционно восточным типом композиционного построения утрачивается при переводе на русский язык. Возникает необходимость в подборе адекватного для русского читателя варианта. Одним из возможных стало заглавие «Сказка за сказкой», наиболее точно передающее структурные особенности обрамленной повести. Однако в русской культурной среде данное название в течение долгого времени было закреплено за детской телевизионной передачей: демонстрируемые в рамках программы сказки-спектакли вылетали из волшебного ларца, который ведущий программы – Петрушка – открывал в начале и закрывал в конце передачи «значение инварианта в новом, нехарактерном для него контексте полностью трансформируется, это способствует приращению эстетического смысла» [3, с. 211]. Представление о ларце сказок из упомянутой телепередачи в русском культурном поле вызывает устойчивые ассоциации со шкатулкой, ящички которой помещены один в другой, что находит подкрепление и в рассматриваемом турецком тексте: сюжет последней истории выстраивается вокруг сказочного атрибута – *sihirli kutu* (волшебной шкатулки), чудесный порошок из которой коренным образом меняет судьбу одного из героев. Таким образом, при переводе заглавия повести А. Умита на русский язык подлинная адекватность достигается путем отступления от подлинника и нивелирования значимого для представителей тюркоязычной лингвокультуры образа «круга перерождения» и реопредмечивания его в концептуализированном для русскоязычного читателя понятии «матрешки» (шкатулки в шкатулке) как некоего «гиперкуба».

Дальнейшие трудности связаны с переводом на русский язык реалий, встречающихся в сильных позициях произведения «Шкатулка сказок». С одной стороны, сказка является универсальным жанром фольклора и литературы и, по меткому замечанию турецкого писателя Н. Хикмета. «...принадлежит всем народам, всем возрастам, людям любого культурного уровня...» [12, с. 23]. С другой стороны, именно в сказке наиболее полно отражается национальная специфика. Трансляция национально-культурной информации требует повышенного

внимания к художественным особенностям рассматриваемого произведения. В случае с повестью А. Умита на первый план выходит тот факт, что она создана в русле средневековой сказочной традиции арабов – на прямую связь с «Тысячей и одной ночью» указывает главная рамочная история – в обоих произведениях речь идет о переодетом халифе, который тайно прогуливается по городу, сопровождаемый *Safar* (Джафаром), своим верным визирем. Во время «путешествия» смысл того или иного «волшебного» происшествия, присутствующий имплицитно в самом описании, но не эксплицируемый вербально, проясняется самим диегетическим повествователем. Некоторые «сказы» включают в себя архетипические «восточные» мотивы: мотив влюбленности с первого взгляда из «Рассказа Шапочника»; мотив о поиске клада и сокровищницах, расположенных под землей или в волшебной горе/пещере из «Рассказа Слепого»; мотив путешествия героя на волшебной птице из «Рассказа Муэдзина». Реалистичность при воссоздании атмосферы средневекового города достигается при помощи описания восточных базаров; крытого рынка *bedestan* (бедестана) как ключевого агоронима в странах Ближнего Востока; упоминания ориентального типа городской застройки, при которой крыши домов находятся на уровне дороги и других урбанонимов и квазитопонимов.

Исходя из отечественного опыта художественного перевода восточных сказок на русский язык в повести А. Умита без эквивалентов были оставлены такие реалии ближневосточной образной поэтики, как *cin* (джинн), *muedzin* (муэдзин), *kervasaray* (караван-сарай), *şaytan* (шайтан), *radîşah* (падишах) и др. Подобные экзотизмы являются непереводаемыми, поскольку маркируют произведение как часть корпуса текстов ближневосточной обрамленной повести, обладая максимальным экспликативным потенциалом. В соответствии с переводческой традицией все упомянутые реалии снабжены развернутыми комментариями-примечаниями, пущенными в постраничные сноски по ходу повествования. Единственная реалья, в отношении которой было сделано исключение – это концептуальное для стран Востока понятие *vizir* (визирь).

В рамках достижения адекватного оригиналу перлокутивного эффекта в целевом тексте необходимо по-новому теоретически осмыслить отдельные вопросы эквивалентности и адекватности передачи элементов турецкой жизни и бытовых реалий восточной сказочной поэтики на русский язык. Достижение адекватного перлокутивного эффекта «зидется на функциональных особенностях текста как целого: образности, ассоциативности текстовых

реминисценций, неоднозначности интерпретации» [3, с. 213]. При передаче на русский язык используются такие распространенные техники, как разъяснение и комментирование, а также опора на предшествующую переводческую традицию, что в совокупности позволяет достичь адекватности восприятия текста русским читателем.

Исходя из сказанного выше, контаминированный характер интертекстуальных включений, органично соединяющих архаичные и современные реминисценции, достигается с помощью использования бытовых реалий-экзотизмов. Практически каждое из рассмотренных аллюзивных включений реализует не только функцию стилистической эмфатизации, но и обладает исключительным потенциалом в ас-

пекте «о-своения» и «в-живания» [2] потенциального реципиента в инокультурное пространство. Интертекстуальные включения в сильных позициях текста содержат в качестве ядерного компонента тюркизмы-мифонимы, антропонимы, урбанонимы и т.п., что не только формирует пограничный онто-виртуальный хронотоп псевдосказочного произведения, но и способствует трансляции компонентов лингвокультурного пространства в общечеловеческий социально-культурный континуум. Анализ эмпирического материала демонстрирует широкие возможности смешения узуальных эквивалентных и окказиональных безэквивалентных онимов в рамках экспликации этноспецифических элементов кода в их индивидуально-авторском преломлении с целью объединения объективной и художественной реальности.

Литература

1. Бредихин С. Н. Сдвиги в семантических полях при актуализации периферийных нозм как способ порождения многомерного смысла // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. №2 (87). С.12-15.
2. Бредихин С. Н., Аликаев Р. С. Стратегии усмотрения и распределения смысловых конструктов в аспекте понимания и вживания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С.123-128.
3. Бредихин С. Н., Давыдова Л. П. Поэтический текст как коммуникативно-эстетическая категория // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №2. С.210-216.
4. Бредихин С. Н., Сидоренко С. Г. Ноэматическая и семантическая адаптация английских заимствований в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1-1. С.1138.
5. Грязнова О. Б. Своеобразие жанровой природы восточной «обрамлённой повести» // Молодой ученый. 2012. №7. С.150-153.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. 420 с.
7. Ларионова Е. И. Современная турецкая литературная сказка: типология и эволюция жанра: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 178 с.
8. Лютавина Е. А. Реалии как лингвистическое явление // Молодой ученый. 2015. №14. С.488-490.
9. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: В 8 т. Т. 4 / перевод и комментарии М. Салье. М.: ТЕРРА, 2007. 576 с.
10. Тысяча и одна ночь: Собрание сказок: В 8 т. Т. 1 / перевод и комментарии М. Салье. М.: ТЕРРА, 2007. 480 с.
11. Умит А. Шкатулка сказок. М.: Нигма, 2016. 152 с.
12. Хикмет Н. Собака лает – караван идет / пер., вступ. ст. и примеч. Л. Н. Старостова. М.: Наука, 1979. 134 с.

References

1. Bredihin S. N. Sdvigi v semanticheskikh polyah pri aktualizacii periferijnyh noem kak sposob porozhdeniya mnogomernogo smysla (*Shifts in semantic fields in actualization of peripheral noemata as the way of multivariate meaning creation*) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. No. 2 (87). P.12-15. (In Russian).
2. Bredikhin S. N., Alikaev R. S. Strategii usmotreniya i raspredmechivaniya smyslovykh konstruktov v aspekte ponimaniya i vzhivaniya (*Techniques of semantic construct discretion and objectivation in the light of realization and integration*) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki (*Issues of Cognitive Linguistics*), 2016. No. 2 (47). P.123-128. (In Russian).
3. Bredihin S. N., Davydova L. P. Poeticheskij tekst kak kommunikativno-esteticheskaya kategoriya (*Poetic text as communicative-aesthetic category*) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya (*Humanities and law studies*). 2016. No. 2. P.210-216. (In Russian).
4. Bredihin S. N., Sidorenko S. G. Noematischeeskaya i semanticheskaya adaptatsiya anglijskih zaimstvovaniy v sovremennom russskom yazyke (*Noematic and semantic adaptation of English borrowings in modern Russian*) // Sovremennyye problem nauki i obrazovaniya (*Modern problems of science and education*). 2015. No.1-1. P.1138. (In Russian).
5. Gryaznova O. B. Svoeobrazie zhanrovoj prirody vostochnoj "obramlyonnoj povesti" (*Peculiarities of the genre nature of eastern "framed novelet"*) // Molodoy uchyonyj (*Young scientist*). 2012. No.7. P.150-153. (In Russian).
6. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedeniye (*Modern translation science*). Moscow: ETS publ, 2001. 420 p. (In Russian).
7. Larionova E. I. Sovremennaya turetskaya literaturnaya skazka: tipologiya i evolyutsiya zhanra (*Modern Turkish literary fairy tale: typology and genre evolution*). Moscow, 2009. 178 p. (In Russian).
8. Lyutavina E. A. Realii kak lingvisticheskoye yavlenie (*Realia as linguistic phenomenon*) // Molodoy uchyonyj (*Young scientist*). 2015. No. 14. P. 488-490. (In Russian).
9. Tysyacha i odna noch: Sobranie skazok (*The Arabian Nights: Collected fairy tales*): in 8 Vol. Vol. 4 / translated and commented by M. Salje. Moscow: TERRA, 2007. 576 p. (In Russian).
10. Tysyacha i odna noch: Sobranie skazok (*The Arabian Nights: Collected fairy tales*): in 8 Vol. Vol. 1 / translated and commented by M. Salje. Moscow: TERRA, 2007. 480 p. (In Russian).
11. Umit A. Shkatulka skazok (*Casket of fairy tales*). M.: Nigma, 2016. 152 p. (In Russian).
12. Khikmet N. Sobaka laet – caravan idyot (*The dogs bark, but the caravans move on*) / translation, proluption and comments by L.N. Starostova. Moscow: Nauka, 1979. 134 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сидоренко Станислав Геннадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / samuels@mail.ru

Information about the author

Sidorenko Stanislav – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / samuels@mail.ru